УДК 343

«Темная материя» уголовного дела: психологический код мотива и проблемы его расшифровки

Елена Николаевна Холопова[1]✉, Ярослава Владимировна Комиссарова[2]
[1]Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия
[2]Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия
[1]elchol@mail.ru✉, SPIN-код: 2757-1911
[2]a5143836@yandex.ru, SPIN-код: 5714-1620

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее сложных проблем современного уголовного процесса – доказыванию субъективной стороны преступления. В центре внимания авторов находится мотив как «темная материя» правосудия: он не поддается прямому наблюдению и зачастую скрыт не только от следствия, но и от самого обвиняемого. Рассматривается вопрос о целесообразности производства судебно-психологической экспертизы для установления мотива, приведены примеры из экспертной практики. Затронуты пограничные ситуации, когда без использования знаний из области психологии истину установить невозможно. Обозначены перспективы развития института специальных психологических знаний применительно к уголовному судопроизводству.

Ключевые слова: доказывание, субъективная сторона преступления, мотив преступления, коммуникативное поведение, специальные знания, судебно-психологическая экспертиза

Для цитирования: Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В. «Темная материя» уголовного дела: психологический код мотива и проблемы его расшифровки // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 72–77.

The «dark matter» of a criminal case: the psychological code of motive and the problems of its decoding

Elena N. Kholopova[1]✉, Yaroslava V. Komissarova[2]
[1]Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad, Russia
[2]Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia
[1]elchol@mail.ru✉, SPIN: 2757-1911
[2]a5143836@yandex.ru, SPIN: 5714-1620

Abstract. The article is devoted to one of the most difficult problems of the modern criminal process – proving the subjective side of the crime. The authors focus on the motive as the «dark matter» of justice: it defies direct observation and is often hidden not only from the investigation, but also from the accused himself. The issue of the expediency of conducting a forensic psychological examination to establish a motive is considered, examples from expert practice are given. Borderline situations are affected, when it is impossible to establish the truth without using knowledge from the field of psychology. The prospects for the development of the institute of special psychological knowledge in relation to criminal proceedings are outlined.

Keywords: evidence, subjective side of the crime, motive of the crime, communicative behavior, special knowledge, forensic psychological examination

For citation: Kholopova E.N., Komissarova Ya.V. The «dark matter» of a criminal case: the psychological code of motive and the problems of its decoding // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 72–77.

© Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В., 2026

Современный следователь находится в парадоксальной ситуации: закон требует от него доказывания мотива совершения преступления (п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (УПК РФ)), но сам мотив – явление, ускользающее от объективной фиксации. Это своего рода «темная материя» уголовного дела: она существует и определяет траекторию поведения субъекта, однако для непосредственного восприятия данная область недоступна.

Как справедливо отмечает А.И. Рарог, удельный вес судебных ошибок, связанных с неверным установлением субъективных признаков, достигает 40–50 % [1, с. 4]. Особенно остро эта проблема стоит при производстве по делам, где мотив является конструктивным или квалифицирующим признаком: убийства, экстремизм, реабилитация нацизма, дискриминационные отказы в приеме на работу и т.п. В этих случаях пробел в доказательственной базе может быть восполнен за счет использования специальных психологических знаний. При этом возникает новый вопрос: где проходит граница между психологическим исследованием и вторжением в исключительную компетенцию суда?

В уголовно-правовой доктрине существует давний спор [2]. Одни авторы утверждают, что мотив – категория сугубо юридическая, и эксперт не вправе делать выводы о его содержании [3]. Другие указывают, что психологическое исследование мотива не только возможно, но и необходимо, поскольку подлинные побуждения к действию часто не осознаются человеком либо сознательно искажаются [4, 5].

Наиболее радикальную позицию занимает А.И. Плотников, который пишет о «непригодности мотива в качестве признака преступления в силу его сложной и глубокой психологической природы», называя его «призраком», от которого надо избавиться [6]. Однако законодатель и правоприменитель к этому не готовы. Более того, современные составы (ст. 282, 282.1, 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (УК РФ)) активно оперируют понятиями ненависти, вражды, идеологических побуждений, что делает производство психологической экспертизы по делу не просто целесообразным, а неизбежным.

Ключ к разрешению спора, как полагают многие специалисты (и авторы с ними солидаризируются), – в разграничении компетенции. Эксперт-психолог не устанавливает юридический мотив (корысть, месть, хулиганские побуждения), он исследует психологическую структуру мотивации: потребности, ценностные ориентации, смысловые установки, эмоциональные состояния. Как писал М.М. Коченов, «если эксперт-психолог, не выходя за пределы своей компетенции, устанавливает психологические мотивы конкретного поступка, анализирует особенности мотивационной сферы испытуемого, такого рода исследования не противоречат общим принципам судебной экспертизы» [7, с. 34].

Наиболее полно возможности судебно-психологической экспертизы (СПЭ) раскрываются при анализе сложных, многосоставных мотиваций. Рассмотрим примеры из экспертной практики.

При производстве СПЭ по делу о создании финансовой пирамиды перед экспертами-психологами стояла задача не просто констатировать наличие корысти, а понять, почему злоумышленник, имевший стабильное положение в обществе и достаточно высокие доходы, пошел на создание многомиллионной пирамиды. Исследование выявило сложную иерархию мотивов: доминирующим оказалось не обогащение само по себе, а стремление к самоутверждению, занятию исключительного положения в группе, поддержанию имиджа «успешного человека». Корысть выступала лишь инструментом реализации глубинной потребности в признании. Эксперты также проследили динамику мотивации: когда первоначальная схема дала сбой, произошла деформация «внутреннего фильтра»

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(нравственного контроля), и ситуативное поведение переросло в устойчивую криминальную схему[3].

В другом случае – при проведении СПЭ в ситуации ложного обвинения во взяточничестве – экспертиза подтвердила оправдательную версию. Анализ личностных особенностей подэкспертного (педантичность, исполнительность, избегание конфликтов и др.) показал отсутствие корыстной мотивации. Фразы, которые сторона обвинения интерпретировала как намеки на взятку, в контексте постоянного обсуждения документов оказались неоднозначными. Эксперты, действуя в пределах своей компетенции, не писали и не могли написать, что человек невиновен, но предоставили суду данные, позволившие усомниться в обоснованности обвинения[4].

Практика расследования преступлений экстремистской направленности и реабилитации нацизма (ст. 282, 354.1 УК РФ) подтверждает необходимость использования специальных психологических знаний. Мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды является здесь обязательным признаком состава преступления. Доказать его наличие исключительно через показания обвиняемого крайне затруднительно, так как последний может отрицать наличие ненависти, объясняя свои действия, например, «историческим интересом» или «свободой слова». Поэтому по таким делам назначаются комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Перед экспертами ставятся вопросы, направленные на выявление в информационных материалах признаков возбуждения ненависти либо унижения достоинства, а также на установление цели и мотива действий автора. Эксперты-психологи анализируют содержание текста (видеоряда) на предмет наличия в нем признаков уничижительного, враждебного отношения к какой-либо социальной группе, что позволяет косвенно судить о мотивах лица, разместившего такой материал.

Так, по факту размещения гражданином Г. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» символа Знамени Победы в виде флага ЛГБТ-сообщества и комментария о том, что День Победы является «праздником для лиц нетрадиционной ориентации», была назначена психолого-лингвистическая экспертиза. Заключение экспертов позволило следствию убедиться в наличии сведений, выражающих явное неуважение к обществу и оскверняющих символы воинской славы. Несмотря на то что первоначально Г. признал вину, а впоследствии отказался от своих показаний, заключение экспертов стало ключевым доказательством, позволившим возбудить уголовное дело по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма), так как в нем были зафиксированы содержание и направленность умысла, а следовательно, и мотивы действий Г. [8]. В данном случае СПЭ выполнила важнейшую функцию: она позволила «объективировать» субъективную сторону, установив психологический контекст деяния (осквернение символов, неуважение к обществу), который был правильно интерпретирован следствием и судом как проявление соответствующего мотива.

Таким образом, использование специальных психологических знаний при доказывании мотива преступного деяния – не вторжение в компетенцию правоприменителя, а научно обоснованный способ познания глубинных психологических механизмов человеческого поведения, знание которых необходимо для правильной юридической квалификации содеянного. Интеграция знаний из психологии в уголовный процесс позволяет решить ряд важных задач: перейти от монистического понимания мотива к его интегрально-целостному анализу; выявить подлинные, а не декларируемые побуждения субъекта; разграничить смежные

[3] Заключение экспертов от 25 нояб. 2016 г. № 254/П20 по уголовному делу № 20/03/0069-15. Материалы из личного архива автора статьи Е.Н. Холоповой.

[4] Заключение экспертов от 26 дек. 2016 г. № 281/В20 по уголовному делу № 20/03/0039-16. Материалы из личного архива автора статьи Е.Н. Холоповой.

составы преступлений; обеспечить индивидуализацию наказания и реализацию принципа справедливости.

Особую сложность представляют дела, где мотив носит дискриминационный характер. Так, И.А. Грецкий отмечает, что ст. 144.1, 145 УК РФ (отказ в приеме на работу предпенсионерам, беременным) фактически являются «мертвыми»: за 25 лет по ст. 145 осуждены только 32 человека. Причина – в завуалированности мотива: работодатель никогда не скажет, что отказ в приеме на работу обусловлен беременностью соискателя, он найдет формальный повод – отсутствие вакансии, необходимых профессиональных навыков и т.д. [9]. Как же доказывать дискриминационный мотив? Грецкий И.А. справедливо указывает на необходимость до обращения в правоохранительные органы сбора пострадавшим сведений, которые в дальнейшем могут стать доказательствами по делу: аудио- и видеозаписи разговоров, переписка, показания свидетелей и т.п. СПЭ в таких ситуациях может быть полезна при анализе коммуникативного поведения [10] работодателя и соискателя, но на практике она проводится крайне редко.

Другая проблемная категория – дела о сокрытии преступлений от учета (ст. 285 УК РФ). Шилин В.В. пишет о том, насколько сложно доказывать наличие «иной личной заинтересованности» у сотрудников правоохранительных органов [11]. В одном из приводимых им примеров суд оправдал сотрудника, указав, что «желание повысить статистические показатели не может считаться личной заинтересованностью», а боязнь критики – это дисциплинарный проступок, а не преступление. В другом деле, напротив, обвинительный приговор был вынесен, поскольку следствие доказало, что сокрытие было совершено «для создания перед руководством видимости успешно выполненной работы, получения впоследствии возможного поощрения». Здесь следователь использовал ведомственные нормативные акты о критериях оценки действий сотрудника, занимающего соответствующую должность, допросил руководителей, изъял справки о результатах проверок.

Отдельного внимания заслуживает проблема ложных воспоминаний. Она напрямую не связана с мотивом действий подсудимого, но критически важна для доказывания субъективной стороны, когда речь идет о показаниях участников судопроизводства и формировании на их основе внутреннего убеждения судьи [12]. Человеческая память пластична, и под влиянием наводящих вопросов, стресса или с течением времени человек может «вспомнить» то, чего не было, или существенно исказить описание деталей события. Например, потерпевший по делу о хулиганстве может искренне считать, что нападавший действовал на почве национальной ненависти или вражды, хотя в действительности имела место бытовая ссора.

Как отличить воспоминание, основанное на реальных событиях, от ложного, особенно, если потерпевший ребенок? Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза поможет оценить способность лица правильно воспринимать события с учетом его индивидуально-психологических особенностей, наличие повышенной внушаемости, влияние постороннего воздействия на формирование показаний. Общеизвестно, что при расследовании уголовных дел о половых преступлениях в отношении малолетних нередки случаи, когда дети дословно повторяют фразы взрослых, рассказывая о деталях случившегося, которые ребенок соответствующего возраста не мог бы описать самостоятельно. Это ставит под сомнение доказанность мотива.

Очевидно, что отказ от доказывания мотива означал бы возврат к объективному вменению, когда человека судят только за деяние, не вникая в то, почему он это сделал. Правосудие, не различающее убийство из ревности и убийство из хулиганских побуждений, перестает быть правосудием.

Проблема не в мотиве как таковом, а в отсутствии надежного инструментария для его установления, в непонимании отдельными правоприменителями разницы между психологическим содержанием мотива и его юридической формой. Сегодня интеграция психологических знаний в уголовный процесс – не дань моде,

а объективная необходимость. Как показывает практика, грамотно проведенная СПЭ способна превратить «темную материю» в убедительное доказательство.

Перспективными направлениями, по мнению авторов, являются:

– разработка методик экспертного исследования мотива по новым категориям дел (экстремизм, реабилитация нацизма и др.);

– совершенствование методов анализа аудио- и видеозаписей для выявления признаков искажения информации;

– обязательное психологическое сопровождение следственных действий с участием малолетних и лиц с психическими аномалиями;

– выработка единого «метаязыка» для юристов и психологов;

– повышение квалификации следователей и судей в части взаимодействия с экспертами-психологами на этапе постановки вопросов и оценки их заключений.

Список источников

1. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. 229 с.

2. Демидова Л.Ю., Ткаченко А.А. Категории мотива и цели в уголовном праве и судебной психологии // Психология и право. 2025. № 15(1). С. 29–43.

3. Шишков С. Специальные познания и здравый смысл в судебном доказывании // Законность. 2000. № 6. С. 23–27.

4. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000. 154 с.

5. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза мотива преступного деяния: проблемы теории и практики // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4(12). С. 10–14.

6. Плотников А.И. Мотив и цель: соотношение и уголовно-правовое значение в свете традиции и законодательных новаций // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. № 38. С. 157–161.

7. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. С. 34.

8. Веретнова А.А., Холопова Е.Н. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, при расследовании реабилитации нацизма // Юридический мир. 2023. № 8. С. 6–13.

9. Грецкий И.А. Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованных отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 105–114.

10. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение: сб. статей. Сер.: Коммуникативное поведение. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. Вып. 1. С. 4–20.

11. Шилин В.В. Особенности доказывания мотива при расследовании сокрытия преступлений от учета // Криминалистъ. 2023. № 4(45). С. 105–111.

12. Комиссарова Я.В. Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 22–28.

References

1. Rarog A.I. Problemy kvalifikaciyi prestuplenij po sub"ektivnym priznakam: monografiya. M.: Prospekt, 2015. 229 c.

2. Demidova L.Yu., Tkachenko A.A. Kategorii motiva i celi v ugolovnom prave i sudebnoj psihologii // Psihologiya i pravo. 2025. № 15(1). S. 29–43.

3. Shishkov S. Special'nye poznaniya i zdravyj smysl v sudebnom dokazyvanii // Zakonnost'. 2000. № 6. S. 23–27.

4. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P., Kochenov M.M. Novye napravleniya sudebno-psihologicheskoj ekspertizy. M.: Yurlitinform, 2000. 154 s.

5. Holopova E.N. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza motiva prestupnogo deyaniya: problemy teorii i praktiki // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2008. № 4(12). S. 10–14.

6. Plotnikov A.I. Motiv i cel': sootnoshenie i ugolovno-pravovoe znachenie v svete tradicii i zakonodatel'nyh novacij // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA. 2019. № 38. S. 157–161.

7. Kochenov M.M. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye trudy. M.: Genezis, 2010. S. 34.

8. Veretnova A.A., Holopova E.N. Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu, pri rassledovanii reabilitacii nacizma // Yuridicheskij mir. 2023. № 8. S. 6–13.

9. Greckij I.A. Diskriminacionnye motivy i ih ustanovlenie v sub"ektivnoj storone neobosnovannyh otkaza licu v prieme na rabotu ili uvol'neniya rabotnika (st. 144.1 i 145 UK RF) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 4. S. 105–114.

10. Sternin I.A. Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie: sb. statej. Ser.: Kommunikativnoe povedenie. Voronezh: Voronezh. gos. tekhn. un-t, 2000. Vyp. 1. S. 4–20.

11. Shilin V.V. Osobennosti dokazyvaniya motiva pri rassledovanii sokrytiya prestuplenij ot ucheta // Kriminalist". 2023. № 4(45). S. 105–111.

12. Komissarova Ya.V. Lozhnye vospominaniya: problemy ocenki pokazanij uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossijskij sud'ya. 2023. № 4. S. 22–28.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.
The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторах
Е.Н. Холопова – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, старший научный сотрудник Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Россия, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14);
Я.В. Комиссарова – кандидат юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9).

Information about the authors
E.N. Kholopova – Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Higher School of Law of the Academic Cluster Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, 236041, Kaliningrad, A. Nevskogo str., 14);
Ya.V. Komissarova – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (Russia, 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9).